

Русская литература

№ 1

Историко-литературный журнал

2016

Издаётся с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Т. Г. Иванова. Песня «Осада Соловецкого монастыря» и исторические песни XVII века (к вопросу об образе царя Алексея Михайловича)	5
В. Е. Багно, Т. В. Мисникевич. Уроки французского (неизвестные переводы Федора Сологуба и становление русского декадентства)	23

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. М. Шумило. Молитвенные тексты в агиографии «плетения словес»: к проблеме стиля эпохи	42
С. А. Фомичев. Повесть «Шинель» в контексте творчества Н. В. Гоголя	57
Н. А. Тарасова. Концепция героя в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского: христианский аспект образа Раскольникова	64
О. Л. Фетисенко. Из босфорского table-talk 1874 года: М. А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии	80
С. А. Кибальник. Ранний А. П. Чехов «за» и «против» Ф. М. Достоевского (от «Драмы на охоте» к «Иванову»)	90
Л. Г. Панова. Запоздалая попытка петраризма: «Канционье» в русском модернизме. Статья 2	99
В. Б. Зусева-Озкан. Дева-воительница в литературе русского модернизма. Брадаманта у Л. Ариосто и Браманта у М. Кузмина	124
К. Ю. Лаппо-Данилевский. О третьем издании стихов Алкея и Сафо в переводе Вяч. Иванова	134
Приложение. Вячеслав Иванов. «Неизвестные переводы из «Алкея и Сафо»	157
Е. А. Голлербах. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина	159
Ким Джун Сок (Республика Корея). Культурные парадигмы в поэтике М. М. Зощенко .	176
П. Ф. Успенский. «Россия счастие. Россия свет...» Г. В. Иванова и наследие Ф. М. Достоевского	181
М. Ю. Михеев. Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о кавалерист-девице .	189

Н. А. Богомолов. Свидетельские показания (вечер Бориса Пастернака в Политехническом музее глазами современника)	213
М. Э. Маликова. Защита Филда, или Запоздалая рецензия на первую биографию Набокова	220

ЗАМЕТКИ

С. Н. Гуськов. Ультрамарин (об одном ошибочном прочтении автографа)	239
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О. Е. Осовский. «Свободная стихия» пушкинских смыслов	241
А. Ю. Соловьев, В. В. Филичева. Современники об акмеизме	242
Р. Ю. Данилевский. Новая книга о «русском Берлине»	245

ХРОНИКА

Е. И. Колесникова. Международная научная конференция «Запечатленная победа: ключевые образы, концепты, идеологемы»	247
А. С. Силина. Международная научная конференция «Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII — начала XIX века»	255
Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Международная научная конференция, посвященная 195-летию со дня рождения А. А. Фета	259

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

**Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНАЯ, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Б. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН**

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

**М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА**

**Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru**

и воплощения романтического героя в зрелом творчестве Пушкина. Следует сделать закономерный вывод о том, что героем этого раздела оказывается не столько Пушкин-романтик, сколько «романтизм Пушкина», не просто являющийся одним из векторов творчества, но и предопределяющий во многом, как это показано в ходе анализа толстовских «Казаков», специфику развития русской реалистической прозы во второй половине столетия.

Если первый раздел книги представляет сочетание историко-литературного контекста творчества Пушкина с важнейшими теоретико-литературными вопросами, то задача второго, по признанию автора, — разрушение ряда мифов: «Прежде всего — это миф о Пушкине как о „чистом художнике”, далеком от актуальных общественных проблем; затем — о Пушкине как истинном христианине и убежденном монархисте, лично переданном царю; и, наконец, о Пушкине как безусловном единомышленнике декабристов» (с. 8). Как убедительно показывает исследователь, энергично, а порой даже эмоционально спорящий с попытками приспособить к личности Пушкина какую-то одномерную схему, его герой поразительно разносторонен и во многом противоречив, но это естественная противоречивость гения, которая становится залогом достижения творческих высот. При помощи хорошо известных ему фактов и деталей автор реконструирует историко-литературный, идеологический, а иногда и психологический, индивидуально-личностный контекст анализируемых произведений — от «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова» до «Пира во время чумы», вскрывает глубинные подтексты «Медного всадника».

«Полтавы» и «Пиковой дамы», дополняет точными наблюдениями давно существующую в пушкинистике традицию интерпретаций «Сказки о золотом петушке». В итоге Гуревич безусловно достигает заявленной цели, и нельзя не согласиться с тем, что «постижение этих подтекстов, этих сокровенных смыслов будет способствовать более точному, адекватному прочтению пушкинских творений» (с. 306).

Несомненный интерес представляют и материалы третьего раздела. Создание статей для энциклопедии, посвященной литературному произведению, требует особых умений, поскольку здесь необходимы предельная точность формулировок и краткость изложения. Именно таковы статьи «Владимир Ленский», «Евгений Онегин», «Татьяна Ларина». Сложнейшие вопросы авторского замысла и организации пушкинского романа полнонастабильно представлены в статьях «Автор», «Отступления» и «Форма плана». И даже то, что можно было бы поставить в упрек литератороведу — неизбежное повторение звучавшего в предшествующих разделах (прежде всего излюбленная мысль о Пушкине как о герое-авторе своего романа) — не вызывает особого неприятия.

В целом рецензируемая книга свидетельствует о по-прежнему высоком уровне российской академической пушкинистики, о продуктивности новых подходов и неожиданных ракурсов в изучении пушкинского наследия, о необходимости пересмотра ряда устоявшихся схем, разрушения мифов и стереотипов, что позволит лучше понять «свободную стихию» сокровенных замыслов великого поэта и потаенных смыслов его творений.

© А. Ю. Соловьев,
© В. В. Филичева

СОВРЕМЕННИКИ ОБ АКМЕИЗМЕ*

Статьи из журналов и газет, освещавшие деятельность акмеистов с момента возникновения «Цеха поэтов» до 1917 года, собраны в одном томе, благодаря чему создается достаточно полное представление об истории литературного течения, подобное тканому полотну, где каждый фрагмент имеет ценность не только сам по себе, но и как часть единого целого. Разбросанные по

труднодоступным изданиям, цитируемые фрагментарно, эти статьи, может быть, не создают исчерпывающей картины литературного процесса, но расцвечивают избранное понятие. Как выразился один из критиков, «от этого шума ничего не останется, кроме оберточной бумаги для мелочных лавок» (с. 360). Находясь на достаточной временной дистанции, мы имеем возможность судить о том, что осталось и что останется. Тем более что это оказывается невероятно увлекательным занятием — оглядываться назад, зная дальнейшую историю и место каждого из авторов в истории литературы.

* Акмеизм в критике, 1913—1917 / Сост. О. А. Лекманов, А. А. Чабан; вступ. статья, прим. О. А. Лекманова. СПб.: Гуманитарная академия; Издательство Тимофея Маркова, 2014. 542 с.

Книга объединяет разножанровые материалы: очерки, рецензии, фельетоны (в том числе стихотворные), заметки, сообщения и анонсы. Среди авторов этих текстов как сами представители акмеизма, так и — в первую очередь — литературные критики других течений и направлений, заметные и малоизвестные участники культурной жизни.

Нельзя не подчеркнуть тот факт, что составители решили не ограничиваться «избранными» отзывами, развернутыми выступлениями мэтров, таких как В. Я. Брюсов или К. И. Чуковский (хотя и в этом случае собрание имело бы эвристическую ценность), и ввели в научный оборот множество впервые найденных упоминаний акмеистов в печати. Ценно и включение иностранной статьи и рецензии на нее (см.: Шюзвиль Ж. «Поэты. Футуризм. Акмеизм. Адамизм и проч.» из «Mercure de France» (в переводе Е. Э. Ляминой), с. 309—313). Если статья была доступна не всем, то отзыв на нее, напечатанный в газете «День» — многим. Этот отзыв давал представление о важном факте узнавания и оценки русской литературы за рубежом. Современный читатель получает возможность сопоставить «внешнюю» и «внутреннюю» точки зрения.

Расположение по хронологии, включая и новый материал, и многократно цитировавшийся в научной литературе, позволяет составителям выстроить исследовательски перспективную композицию, в которой рядом находятся первоисточники-события и отзывы-отклики. Например, о докладе Г. И. Чулкова «Пробуждаемся мы или нет?» повествуют две заметки и отрывок, помещенные в «Воскресной вечерней газете», «Дне» и «Речи». И если содержание доклада можно отнести представить по статье «Оправдание символизма», то атмосфера дискуссии передают только эти свидетельства, создающие для нас образ человека: «нападки на акмеизм отражали С. Городецкий и Н. Гумилев; возражали также из футуристов неизменный Н. Кульбин и молодой, страстный В. Шкловский» (с. 336).

Так как акмеизм, как и всякое литературное явление, неотделим от культуры в глобальном масштабе, особенно на начальных стадиях своего утверждения, книга окажется полезна для всех изучающих литературу и культуру начала века. У нас есть возможность проследить, как формировалось представление об акмеизме, как его понимали, как на него реагировали и с чем сравнивали — т. е. каковы были генеральные установки воспринимающей культуры. В отличие от символизма и футуризма, акмеизм зародился и прожил свой век именно на русской почве. Объективистский пафос новой поэзии, стремление уйти от мистической многозначности и (в представлении массового сознания) неопределенности символа, с одной стороны, вырастали из целого ряда традиций русской культуры, с другой — игнори-

ровали многие важные ее составляющие, и не случайно акмеизм не захватил другие виды искусства, кроме словесного. В этом легко убедиться, читая антологию: если говоря о восприятии символизма, нельзя обойтись без искусствоведческой, театральной, филологической критики, наконец, философии, то здесь мы не найдем почти ничего, что выходило бы за пределы литературы.

Книга имеет хорошо проработанный справочный аппарат: вступительную статью, комментарии и именной указатель. Небольшой тираж ее — 300 экземпляров — отчасти компенсируется доступным на сайте «Ruthenia» препринтом, но, разумеется, допечатка или второе издание способствовало бы распространению антологии.

В конце каждой статьи или отрывка, помимо указания на источник публикации, приводятся комментарии, бегло намечающие контекст — раскрывающие либо отношения авторов (рецензируемого и рецензента) между собой, либо место рецензии в общем сонме мнений, событий, встреч. Для этого привлечен огромный фактический материал. Помогают проследить мнение отдельных писателей и критиков об акмеизме отсылки к другим отзывам данного автора. Такое построение не навязывает представление о литературном процессе, а предлагает как бы контурную карту его, которая заполняется самим читателем.

Выбранный тип подачи материала чрезвычайно удобен на практике, особенно для начинающих исследователей, чтобы самостоятельно изучить конкретную историю литературных взаимоотношений, без оценок и расставленных кем-то акцентов. Однако не пересуш ли лаконичны комментарии? Сжатость приводимых пояснений вызвана, конечно, нежеланием увеличивать и так солидный объем книги и растягивать во времени процесс издания, завершенного силами двух исследователей. Но есть в этом и методологический принцип — стремление к объективности, желание сделать доступным живое восприятие акмеизма. Плюсы и минусы подхода выявляются при рассмотрении отдельных сюжетов.

Так, например, язвительные выпады «сатириконовца» А. С. Бухова против первых сборников акмеистов оставлены без контекстуального комментария. Действительно, стихи О. Э. Мандельштама, которые он цитирует в статье с впечатляющим названием «Как убивают поэзию» (с. 54—57), сами отвечают критику, демонстрируя его пристрастность:

Я блуждал в игрушечной чаще
И открыл лазоревый грот...
Неужели я настоящий
И действительно смерть придет?

Однако в комментарии можно было бы попытаться ответить на вопрос, насколько ти-

лична реакция именно на подобные стихи как на «убийство» поэзии? Может быть, в формулировке отразилось отношение к новым веяниям вообще? А может быть, это просто смеющаяся маска критики того времени? Или самого критика? «Владимир Маяковский на четвереньках догоняет Бурлюков» — скажет тот же Бухов три года спустя (1915)¹ о футуристах, попавших под иронический прицел из-за коннотаций ими же провозглашенного «мычанья». На зооморфном фоне «убитая поэзия» не выглядит приговором. Отсутствие побочного основной теме комментария нельзя назвать просчетом. Но это повод задаться вопросом о степени полноты и объективности знания об акмеизме, получаемого читателем. И шире — о границе «объективного» отражения литературной реальности.

Думается, что ответ на этот вопрос применительно к антологии будет найден, если определить задачи и самый тип издания.

Как говорит О. А. Лекманов во вступительной статье «Акмеизм в зеркале критики», «зная об изначальном авторском импульсе, легче исследовать конечный результат» (с. 5). Значение книги заключается, если продолжать использованную здесь Лекмановым «колумбовскую» метафору Индии и Америки, в изучении «авторского маршрута», в прорисовке карт, современных «мореплавателям» — акмеистам.

Жанр объект изучения в современной ему критике имеет давнюю традицию в литературovedении. Однако, как можно заметить, многие из существующих, созданных в принципиально ином идеологическом контексте изданий, как говорится, морально устарели, что вызывает волну исследований, построенных на более объективном материале, прежде всего, книги в серии «Pro et contra», которые, однако (не говоря о персональном характере изданий), решают задачу *представления* литературных reputаций, но не изучения их *формирования*.

Возможно, именно «Акмеизм в русской критике» станет материалом для решения феноменологического вопроса литературного течения, которое больше, чем просто сумма творчества авторов, и значительно шире, чем творение одного ума. Придирчивому читателю не хватит в книге разве что указания на распространенность того или иного источника, потому что центральные и периферийные, многогиражные и малотиражные издания соседствуют в книге (см., например: «Нижегородец», «Жатва», «Заветы», «Прищипье», «Хмель», «Всёдуры» и т. д.), что, впрочем, только добавляет ощущения объективности.

Издание, подготовленное в отношении акмеизма, уникально: научно подготовлен-

ных антологий, освещавших жизнь этого течения в Серебряном веке, кажется, еще не выходило.

Как изучение творчества Н. С. Гумилева или А. Ахматовой не может обойтись без контекста акмеизма, так же и изучение акмеизма невозможно без глобального контекста времени и литературы. Представленная книга, конечно, не отвечает на вопрос о включении в культуру, но рассказывает историю внутрилитературных отношений. Лекманов видит основную ценность этих материалов в «возможности взглянуть на акмеизм глазами современников, являющихся прямыми адресатами акмеистических манифестов и стихов» (с. 23). Однако все ли современники являлись адресатами?

Книга разделена на три части: пролог — статьи 1912 года о «Цехе поэтов», основная часть и играющая роль эпилога статья О. Мандельштама «Утро акмеизма».

Немаловажную роль играет обзорная статья самого Лекманова, настраивающая оптику читательского восприятия. Основной задачей книги он видит попытку «вникнуть в суть полемик вокруг акмеизма в критике» (с. 13). Почему именно акмеизму? Помимо личного интереса исследователя, здесь работает и утилитарная причина: «Трудно и даже невозможно было бы собрать в одном томе все печатные суждения современников о русском символизме и футуризме» (с. 23).

Подытожим. В чем преимущественное отличие такого издания сравнительно с изданием «Pro et contra» того же Гумилева? Помимо объекта (не один автор, а целый «авторский материк») — в стремлении к наиболее полному представлению материала. Однако не в объеме дело, так как с течением времени все больше материала вводится в научный оборот. Мы бы назвали одновременно сильной и уязвимой стороной издания стремление к объективности через полноту (с теми оговорками, однако, что объективная реальность не может быть запечатлена на бумаге, ибо и сама объективность слишком зависит от субъекта восприятия).

Что же происходит с объективностью при таком расположении материала? Мы можем «погрузиться в акмеизм», но все так же лишены возможности оказаться внутри эпохи, внутри глобального контекста всего литературного процесса. Объективность не может существовать и для современника, что наглядно продемонстрировано в соположении двух противоположных мнений А. Блока и А. Ахматовой (с. 13—14). Статья Лекманова указывает на эти моменты: «Реакция критики на акмеизм не могла быть единодушной и однородной хотя бы потому, что почти ни в чем единодушной не была сама критика 1910-х годов» (с. 16).

Этот шум, сохранившийся во времени, позволяющий «взглянуть на акмеизм глазами современников» (с. 23), собранный вместе, оказывается бесценным свидетельством

¹ Цит. по: Бухов А. С. Шумные труппы // В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, комм. В. Н. Дядичева. СПб., 2006. С. 264 (сер. «Русский путь»).

времени и литературы. Да, «почти все газетные и журнальные публикации (...) не отличаются особой глубиной и тонкостью анализа акмеистической поэтики» (с. 23), однако они дают толчок к выходу на границу дисциплин, изучения поэтики и истории литературы.

Желающий «вникнуть в суть полемик» вокруг акмеизма при чтении антологии, несомненно, увлечется ими, а за контекстом сможет обратиться к другим изданиям — не только к упомянутым сборникам в серии «*Pro et contra*», но и к таким воссоздающим контекст эпохи силами самих составителей антологии работам, как, например, книга

Лекманова, посвященная поэзии отдельно взятого временного отрезка — года подъема и расцвета акмеизма.²

Филологической науке необходимы такие издания, как «Акмеизм в русской критике», задающие тон дальнейших исследований и разысканий, — и как образцы антологий, предназначенных одновременно для узких специалистов и самого широкого читателя, и как вспомогательные материалы для собрания сочинений и шире — истории литературы начала ХХ века.

² Лекманов О. А. Русская поэзия в 1913 году. М., 2014.

© Р. Ю. Данилевский

НОВАЯ КНИГА О «РУССКОМ БЕРЛИНЕ»*

Книга немецкого журналиста Томаса Урбана не является историко-литературным исследованием в полном смысле этого понятия. Это ряд очерков-портретов русских литераторов, так или иначе попавших в германскую столицу в 20-е годы XX века как эмигранты или временные гости. Известно, что Берлин стал в это время, наряду с Парижем, самым значительным пунктом, в котором скопилась русская эмиграция. Там жили короткое время или даже по нескольку лет почти 400 тысяч бывших подданных Российской империи, ставшей Советской Россией. В немецком городе образовалась обширная русского говорящая диаспора со своими издательствами и периодикой, магазинами, кафе и т. п. О так называемом «русском Берлине» существует большое количество исследований, которые, впрочем, не все учтены в библиографии, приложенной к обсуждаемой книге.¹ Но задача автора состояла, как представляется, не в научной полноте. Она была скорее литературной — дать характеристику русских писателей, оказавшихся в чужой культурной среде или, во всяком случае, в среде, «сбитой с толку» революцией. Поэтому — выскажем сразу наше главное замечание — «русский Берлин» как «микрокосмос на НЭП-ском проспекте» (так озаглавлено предисловие к книге) (см. с. 8—27) представ-

лен автором лишь эпизодически, только в связи с теми или иными поступками или высказываниями его героев. На переднем плане — очерки о писателях, об их личных и творческих делах. Эти очерки написаны живо и умело (и неплохо переведены), подкреплены множеством редких письменных документов и фотографий. Они представляют ценность прежде всего именно как портреты и читаются с интересом.

Общая оценка литературной среды берлинской эмиграциидается в предисловии к книге: «...не могло быть и речи о гармоническом сотрудничестве литераторов в Берлине, а совсем наоборот: споры до хрипоты, закулисные интриги, скандалы, происки, а также и любовные истории (...). Но для всех писателей Берлин стал поворотным пунктом в их жизни...» (с. 27).

Очерки посвящены — А. Белому (с. 29—55), М. Горькому (с. 57—77), С. Есенину (с. 79—99), В. Маяковскому (с. 101—127), В. Набокову (с. 129—153), Б. Пастернаку (с. 155—171), А. Ремизову (с. 173—183), А. Н. Толстому (с. 185—201), В. Ходасевичу, (с. 203—213), М. Цветаевой (с. 215—231), В. Шкlovскому (с. 233—243) и И. Эренбургу (с. 245—261). Завершает книгу глава «Берлинский кружок поэтов» (с. 263—279) — о недолго просуществовавшем объединении, организованном поэтессой Раисой Блох и литератором и поэтом Михаилом Горлиным. Совершенно особым настроением проникнуты две страницы коротенького «Послесловия» (с. 280—281). Они могли быть написаны, конечно, только немцем, которому дорог старый Берлин, больше не существующий. Но они написаны также и знатоком русской литературы, которому небезразличен описанный на этих страницах единственный

* Урбан Т. Русские писатели в Берлине в 20-е годы XX века / Пер. с нем. Т. Цапалиной. СПб.: Лики России, 2014. 287 с.

¹ Например, не принятые во внимание статьи и книги Г. А. Тиме, которая много занималась историей «русского Берлина» (см., например: Тиме Г. А. Путешествие Москва—Берлин—Москва: Русский взгляд Другого. М., 2011).